

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ УРАЛА

Выпуск I

ПЕБЕКЪ · 1970

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПЕРМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

77 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ № 227

2

77

2

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ УРАЛА

ВЫПУСК I

КОНТРОЛЬНЫЙ

ПЕРМЬ · 1970

В. Л. Семенов

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ И ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

В знаменитой работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма жадно искала правильной революционной теории»¹. Значительный интерес в общей проблеме поисков революционным движением России «правильной революционной» теории представляет идейная эволюция одного из «видных семидесятников»² С. М. Степняка-Кравчинского. Его деятельность высоко оценивал Фридрих Энгельс³.

Некоторые произведения Степняка неоднократно цитировал В. И. Ленин⁴. А между тем эволюция взглядов Кравчинского в 80—90-х гг. и роль, которую в ней сыграли деятели первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда», исследована еще явно недостаточно.

Спектр оценок системы взглядов Кравчинского 80—90-х гг. в нашей историографии достаточно широк и включает такие противоположные определения, как «политический радикал»⁵ и «старый народоволец»⁶, «земледелец»⁷ и писатель, который к середине 90-х гг. «стал определенно приближаться к марксизму»⁸. Наиболее обстоятельно последнюю

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

² «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, М., 1964, стр. 47.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 289. (Здесь и далее изд. 2).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 42; т. 9, стр. 181.

⁵ Письма С. М. Степняка-Кравчинского Фридриху Энгельсу, «Истерики-марксист», 1935, кн. 10, стр. 112.

⁶ Документы Г. В. Плеханова, «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 4.

⁷ Т. А. Шумакова. Русские связи Э. Л. Войнич. Ученые записки Московского областного педагогического института, т. 55, Труды кафедры зарубежной литературы, М., 1957, стр. 139.

⁸ Е. Таратута. Фридрих Энгельс и С. М. Степняк-Кравчинский «Наука и жизнь», 1965, № 7, стр. 50.

точку зрения обосновывает В. Ф. Захарина в статье «С. М. Степняк-Кравчинский в лондонской эмиграции»⁹. К сожалению, здесь не учтено влияние деятелей группы «Освобождение труда» на идейную эволюцию Кравчинского. Этому вопросу посвящена небольшая статья В. П. Красавина¹⁰. Однако она очень схематична и содержит ряд ошибок как теоретических, так и фактических. Автор не видит взаимосвязи террора и политической борьбы в деятельности и мировоззрении Кравчинского, считает, что он никогда не был безоговорочным сторонником терроризма.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить, во-первых, некоторые аспекты идейной эволюции Кравчинского на протяжении 70—90-х гг., во-вторых, борьбу деятелей группы «Освобождение труда» за переход Кравчинского на позиции марксизма, которая в свою очередь была составной частью мероприятий, направленных на преодоление фактической изоляции группы, характерной для нее особенно во второй половине 80-х гг.¹¹

С. М. Кравчинский (литературный псевдоним Степняк) в революционное движение России вступил в 1870 г. в период обучения в Михайловском артиллерийском училище. Здесь он организует кружок из 8 юнкеров и имеет уже «кое-какие знакомства среди петербургских радикальных кружков»¹². После окончания училища, прослужив около года в армии, Кравчинский выходит в отставку, приезжает в Петербург и поступает в Лесной институт. Весной 1872 г. он был принят в члены петербургского революционного кружка «чайковцев». Одним из первых среди «чайковцев» Кравчинский отправляется в «народ». В течение нескольких дней осенью 1873 года он вместе с Д. М. Рогачевым пытается вести пропаганду среди крестьян Навоторжского уезда Тверской губернии. Содержание их бесед стало известно сельским властям. Их арестовали и повели в стан. Дорогой им удалось бежать. С этого времени Кравчинский переходит на нелегальное положение. В период массового «хождения в народ» летом 1874 года он пишет пропагандистские сказки.

Весной 1875 года, скрываясь от преследователей царского правительства, Кравчинский выезжает за границу. Летом этого года он принимает участие в восстании славянских наро-

⁹ С. М. Степняк-Кравчинский. «В лондонской эмиграции». Сб. документов, М., 1968, стр. 369—387.

¹⁰ В. П. Красавин. О связях С. М. Степняка-Кравчинского с деятелями группы «Освобождение труда». Научные доклады высшей школы. «Исторические науки», 1959, № 1, стр. 50—54.

¹¹ Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда». М., 1962, стр. 100.

¹² Л. Ш и ш к о. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. Из воспоминаний и заметок старого народника, СПб., 1906, стр. 5.

дов Боснии и Герцеговины против турецкого владычества¹³. В 1876 г. Кравчинский возвращается в Россию. В начале 1877 г. он снова за границей, на этот раз в Италии. Здесь, познакомившись с итальянскими анархистами Кафиеро и Малатеста, Кравчинский вместе с ними принимает непосредственное участие в попытке поднять вооруженное восстание в провинции Беневенто. После ареста он около девяти месяцев просидел в тюрьме в ожидании суда над участниками восстания. От более длительного тюремного заключения его спасла смерть итальянского короля. Новый итальянский король объявляет амнистию, на основании которой некоторые участники восстания в провинции Беневенто, в том числе и Кравчинский, были освобождены.

В январе 1878 г. Кравчинский перебирается в Швейцарию, где принимает активное участие в редактировании эмигрантского журнала бакунистского направления «Община». Однако его не удовлетворяет деятельность в эмигрантском органе, и в мае 1878 г. он возвращается в Россию, принимает активное участие в деятельности революционной народнической организации «Земля и воля», редактирует первый номер журнала этого общества и публикует в нем статью, в которой излагает принципы деятельности организации.

4 августа 1878 г. Кравчинский совершает удачное покушение на жизнь шефа корпуса жандармов генерала Мезенцева. Вся полиция была поднята на ноги для поимки «дерзкого террориста». Однако его разыскать не удалось. Друзья настояли на отъезде Кравчинского за границу. В ноябре 1878 г. он выехал за границу и больше в Россию не возвращался.

Первоначально Кравчинский поселился в Швейцарии, но царское правительство не оставило его в покое и здесь. Из показаний Андриана Михайлова¹⁴ и Г. Д. Гольденберга¹⁵ полиции стало известно имя подлинного убийцы генерала Мезенцева. Русское правительство вело с правительством Швейцарии переговоры о выдаче Кравчинского как уголовного преступника. После убийства народовольцами Александра II эти требования усилились, и Кравчинский вынужден был в 1881 г. тайно перебраться из Швейцарии в Италию. В 1883 г. он возвращается в Швейцарию. Однако в связи с угрозой выдачи царскому правительству в июле 1884 переселяется в Англию. Последний период его жизни был заполнен разнообразной литературной и общественно-политической деятельностью. 23 декабря 1895 г. Кравчинский при переходе полотна пригородной железной дороги трагически погиб.

¹³ М. П. Сажин. Воспоминания о 1870—1880 гг. М., 1925, стр. 99—105

¹⁴ ЦГАОР, 3 отд. 3 эксп., 1878, д. 283, ч. 2, лл. 271, 279.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, д. 525, т. 5, лл. 5—6.

В эволюции мировоззрения Кравчинского, думается, можно выделить четыре основных периода. Первый период 1872—1875 гг. Главной движущей силой исторического процесса в это время он считает народ, понимая под последним прежде всего крестьянство. Существующий несправедливый строй, по мнению Кравчинского, может быть уничтожен только крестьянской революцией, «только бунтом и свержением правительства»¹⁶. Этот «бунт» нужно начинать немедленно, ибо с развитием капитализма шансы на победу уменьшаются. «Я скажу тебе только,— пишет Кравчинский, обращаясь к народу,— поднимись скорее, потому придет время, когда уже не подняться тебе»¹⁷. Здесь довольно отчетливо звучит одно из основных положений народнической теории, согласно которому развитие капитализма является «регрессом», «упадком», несущим неисчислимые бедствия и страдания народным массам и разрушающим общину, которую народники считали основной ячейкой будущего социалистического строя. Будущее общество, по мнению Кравчинского, должно состоять из общин — «артелей», которым принадлежит земля, фабрики и заводы. Все вопросы, касающиеся той или иной артели, должны решаться общим голосованием ее членов. Государства здесь нет. «Здесь нет ни старшин, ни губернаторов, никакого начальства, нет даже царя у них. Все у них миром делается»¹⁸. Таким образом, будущее общество в его представлении основано на анархических началах. Кравчинский в это время отрицательно относится к государству и политической борьбе.

Второй период 1876—1879 гг. По существу, он может быть назван землевольческим, хотя формально в эту народническую организацию Кравчинский был принят только в 1878 г. После того как массовое «хождение в народ» закончилось неудачей, взгляды Кравчинского претерпели значительные изменения. Причины неудачи он видит, во-первых, в отсутствии организации¹⁹, во-вторых, в слишком абстрактном толковании принципов анархического социализма, что делало их непонятными для крестьян. «Необходимость приноравливаться к местным условиям, прислушиваться к голосу массы признается теперь всеми,— пишет он В. И. Засулич 24 июня 1878 г.»²⁰. Сделав необходимые выводы из неудачного «хождения в народ», конечно, в рамках народнической идеологии,

¹⁶ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 213, л. 36, стр. 43.

¹⁷ С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч., т. 4, VII, Пгтр., 1919, стр. 43.

¹⁸ С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. 2, М., 1958, стр. 226.

¹⁹ Письмо Кравчинского (Степняка) к П. Л. Лаврову, «Былое», 1912, № 14, стр. 60.

²⁰ Из переписки С. М. Кравчинского, «Красный архив», 1926, т. 6 (19), стр. 196.

землевольты создали строго централизованную и хорошо за-конспирированную организацию, деятельность которой в этом отношении высоко ценил В. И. Ленин²¹. Пропаганду идей народнического социализма они стали теперь вести под лозунгами «земли» и «воли», т. е. под требованиями, которые понятны народу и осуществимы в ближайшем будущем. Взгляды Кравчинского по этим вопросам совпадают с программными положениями землевольтцев, и он принимает участие в их разработке.

Заметную эволюцию претерпевают также взгляды Кравчинского на роль политической борьбы, неразрывно связанные с вопросом о роли террора. Убийство шефа жандармов Мезенцева было фактом политической борьбы по объективному своему содержанию, субъективно же Кравчинский не считал его таковым. В брошюре «Смерть за смерть», написанной вскоре после покушения на Мезенцева, он рассматривает это событие как акт мести за злодеяния, которые были совершены шефом жандармов по отношению к революционерам, за «ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать»²². Однако, отрицая факт политической борьбы в этом событии, Кравчинский признает терроризм как одну из форм политической борьбы в России. Он пишет: «Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер... само правительство толкнуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали»²³. Получается противоречие: с одной стороны, убийство Мезенцева есть акт мести, а не политической борьбы, с другой, терроризм признается вынужденной мерой политической борьбы, на которую революционеров толкнуло правительство. Это несоответствие есть отражение противоречия между аполитизмом землевольтцев вообще и Кравчинского в частности и революционной практикой, которая ставила перед народниками вопрос о необходимости вести борьбу за политические свободы. Однако Кравчинский в этот период отрицательно относится к политической борьбе, объясняя это тем, что буржуазия, которая в таком случае должна прийти к власти после падения самодержавия, будет более сильным и опасным противником для революционеров, чем царизм. Отмечая эту особенность взглядов народников, В. И. Ленин писал: «Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии»²⁴. В связи с этим Кравчинский предлагает

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 135.

²² С. Кравчинский. Смерть за смерть. Птгр., 1920, стр. 13.

²³ Там же.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 179.

главный удар направить против буржуазии, а для того, чтобы правительство не мешало революционерам работать, в народной среде, выставить «охранительный отряд» в лице террористов. Он пишет: «С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать в среде народа. Террористы это не больше, как охранительный отряд, назначение которого оберегать этих работников от предательских ударов врагов»²⁵. Признание, некоторой, пусть второстепенной, роли политической борьбы в деятельности «охранительных отрядов» звучит здесь довольно отчетливо.

Для третьего периода (1881—1889 гг.) в идейной эволюции Кравчинского характерен переход его на позиции признания политической борьбы. Причем необходимо отметить, что формально Кравчинский никогда не был членом «Народной воли» и никогда полностью не одобрял ее программы. В начале этого периода он по ряду вопросов занимал позиции даже близкие к чернопередельцам, что явилось основой его дружеских взаимоотношений с ними. Однако он неоднократно заявлял о своей готовности примкнуть к «Народной воле» и действовать в ее рядах на русской почве.

Рассмотрим далее отношение Кравчинского к политической борьбе и движущим силам революционного движения.

Если еще в 1878 г. Кравчинский стоит на позиции аполитизма и делает только первый шаг в сторону признания политической борьбы, которой отводит второстепенное значение, то в 1882 г. он уже признает политическую борьбу как основную. В ответе на письмо Исполнительного комитета «Народной воли» он пишет: «Мне, кажется, что в настоящее время политическая борьба, т. е. террор,—ключ современного положения. Пропаганда в среде рабочих и крестьян—вещь в высшей степени желательная, полезная и прекрасная. Но политическая борьба важнее»²⁶. Террор он считает орудием политической борьбы для завоевания политических прав и свобод, которые в свою очередь необходимы для победы социализма. «Выбор для завоевания этих прав такого орудия борьбы, как террор,—писал Кравчинский,—обуславливается исключительно русскими условиями, делающими невозможной борьбу открытую»²⁷. Это доказывает несостоятельность

²⁵ Сб. документов. «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 326.

²⁶ Сб. документов. «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 2, М.-Л., 1965, стр. 344.

²⁷ Там же, стр. 343.

утверждения В. П. Красавина, что Кравчинский никогда не был безоговорочным сторонником террора²⁸.

Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе. Кравчинский тоже сделал этот шаг, однако вплоть до 1886 г. он оставался на позициях антигосударственности, что было следствием его былых анархистских настроений.

Это нашло конкретное выражение в расхождении Кравчинского с народовольцами по вопросу о принципах строительства революционной организации. Если народовольцы подчеркивают, что они «централисты» и «государственники», то Кравчинский считает себя «анархистом» и «федералистом». Анархизм он понимает здесь в смысле федерализма, а федерализм — «только в возможно большем развитии личной, местной и областной автономии»²⁹. Фактически Кравчинский отошел от анархизма, но, как мы видим, не порвал окончательно с ним. Особенно глубоко разошелся он с народовольцами по вопросу о принципе централизма в строительстве революционной организации. В письме к М.П. Драгоманову он пишет «о разлагающем влиянии централизма на нравственную физиономию партии», о том, что считает централизм «величайшей язвой русской партии», которая сковывает и даже губит инициативу³⁰. Не разделяет Кравчинский и веру Исполнительного комитета «Народной воли» в возможность захвата власти путем заговора³¹. Таким образом, по вопросу о принципах построения революционной организации и тактики революционной борьбы Кравчинский наиболее резко разошелся с народовольцами.

Изменились взгляды Кравчинского на движущие силы революционного движения в России. Здесь довольно отчетливо прослеживаются некоторые элементы сомнения в крестьянстве как главной движущей силе революционного движения. Поэтому он начинает поиски революционной силы среди городского населения. Русское революционное движение в конце 70-х — начале 80-х гг. встало на путь политической борьбы, «а мужикам до политики дела нет»³². Скептически Кравчинский относится и к мысли о том, что либералы примут участие в движении. Он считает в этот период, что они не поддержат «Народную волю». По его мнению, «революция сегодняшнего дня — это городская революция и она

²⁸ В. П. Красавин. Указ. соч., стр. 50.

²⁹ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 2, стр. 341.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 62.

³¹ Архив Дома Плеханова, Инв. № 10092, АД. 5, 364, 18, л. 1.

³² ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 62 об.

быстро приближается»³³. Однако среди городского населения Кравчинский выделяет не пролетариат, а прежде всего интеллигенцию. Причем восстание одного городского населения безнадежно в силу малочисленности населения русских городов. «В Петербурге на каждого рабочего приходится два солдата». В таких условиях для того, чтобы быть победоносной, революция должна иметь приверженцев в армии. В произведениях Кравчинского этого периода можно отметить отдельные мысли о привлечении армии к восстанию, и даже суждения о военном заговоре, который будет успешным в сочетании с восстанием городского населения. Во второй половине 80-х гг. он убежденный сторонник необходимости завоевания для России политических свобод и одним из орудий для достижения этой цели считает политический террор³⁴.

В начале 90-х гг. в связи с некоторым оживлением революционного движения в России Кравчинский пытается снова переосмыслить пути и методы революционного преобразования общества. Начинается последний период его идейной эволюции (1890—1895 гг.), когда наблюдается его отход от народнических представлений на движущие силы революционного движения и в этом вопросе все более отчетливо прослеживается тенденция к эволюции Кравчинского в марксистском направлении. Теперь он приходит к выводу о необходимости расширения социальной базы революционного движения. Должно начаться нечто новое, — пишет он, — что именно — предсказать никто не может. Несомненно только одно — что следующее движение будет чем-то более широким, чем предыдущее»³⁵. Крестьянство теперь Кравчинский считает одной из движущих сил революции, но не главной, при условии руководства им со стороны другого класса. «Им нужен ум — пишет он, — направляющий их на вражеские силы»³⁶. Такого руководителя крестьянства в 1891—1892 гг. Кравчинский видел в лице интеллигенции и образованного класса вообще», а в 1893 г. в письме «Организационному комитету американской Социалистической рабочей партии» он пишет: «Но теперь в России имеется такой направляющий и вдохновляющий интеллектуальный фактор, как размах борьбы многочисленного городского пролетариата»³⁷. Пролетариат он считает продуктом развития капитализма. «Наш пролетариат, — пишет он, — рас-

³³ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции. М., 1968, стр. 20.

³⁴ «Самоуправление». Орган социалистов-революционеров. 1887, № 1, стр. 12.

³⁵ С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч., ч. VI, Птгр., 1919, стр. 119.

³⁶ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции, стр. 326.

³⁷ Там же.

тет в соответствии с ростом капиталистической системы и приближается время, когда он будет играть в нашей стране такую же роль великой прогрессивной революционной силы, какую пролетариат играет на Западе. Это общественный класс, который весь пропитан социалистическими и революционными идеями, который поглощает запрещенную литературу, проводит свои нелегальные маевки, с затаенным вниманием следит за социалистическим движением за границей: и этот великий пример придает ему вдохновение и знание, энергию и надежды»³⁸. Приведенная выдержка свидетельствует о значительном отходе Кравчинского от народнического мировоззрения и его несомненной эволюции к марксизму. Однако в понятие «пролетариат» он опять-таки включает интеллигенцию. Безусловно, переоценка роли интеллигенции характерна для Кравчинского даже в начале 90-х гг. Свои надежды, однако, он все более связывает с русской социал-демократией. Не случайно в публицистической работе «Царь — чурбан, царь — цапля», написанной в 1895 г., Кравчинский делает чрезвычайно ценное признание: «Анархизма нет в современной России или во всяком случае он представлен так слабо, что не проявляет ни малейших признаков своего существования. Русский социализм последнего десятилетия всецело социал-демократический»³⁹.

Если в начале 80-х гг. Кравчинский не верит, что либералы примут участие в революционном движении и поддержат «Народную волю», то в 90-е годы он считает необходимым участие либералов в борьбе против царизма. С теми либералами, которые не были настроены против социалистов и были готовы бороться с царским самодержавием, он готов был идти на временный союз. В письме к членам группы «Освобождение труда», которое относится к 1892 г., он писал: «Я вовсе не за привлечение всех во что бы то ни стало... Некоторые либералы собираются делать оппозицию для нас социалистов. Таким мы тоже не будем импонировать»⁴⁰. Таким образом, движущие силы революции, как их представляет Кравчинский в первой половине 90-х гг., это: городской пролетариат (в том числе и интеллигенция), либералы и крестьянство.

Революционное преобразование общества, по его мнению, предполагает два этапа: 1) буржуазно-демократический, 2) социалистический. Первый этап включает в себя завоевание политических прав и свобод, а также народного предста-

³⁸ Там же.

³⁹ Степняк-Кравчинский. «Царь-чурбан, царь-цапля», Пгтр., 1921, стр. 137.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 173, л. 2 об.

вительства. Второй — эволюционное движение к социализму при использовании прав и свобод, добытых на первом этапе революции. «Выделение переворота политического, — пишет он, — как ступени для дальнейшего развития было для нас решительным шагом вперед... Мы выставляем своей ближайшей целью завоевание для России конституции»⁴¹. Эта цель, по его мнению, может быть достигнута только мирным путем. Перестройка экономических отношений, которая будет содержанием второго этапа революции, «потребует немало времени». Здесь он говорит об опыте германской социал-демократии, пользуясь которым, пишет он, «мы предлагаем прямо встать на сторону эволюционного социализма, признав свободное слово и печать, и свободное голосование достаточными и, пока они гарантированы ненарушимым законом, единственными орудиями в будущей социальной борьбе»⁴². Такая односторонняя трактовка опыта германской социал-демократии в известной мере связана с тем впечатлением, которое произвело на Кравчинского усиление ее позиций после выборов в рейхстаг 1890 г. Кравчинский предлагает использовать опыт немецких социал-демократов в том направлении, которое признавали реформистские элементы международной социал-демократии. Это тоже свидетельствует о его отходе от народничества и об эволюции к социал-демократии.

Определенные изменения претерпели на протяжении 90-х гг. и взгляды Кравчинского на террор и военный заговор. В начале 90-х гг. он признает необходимость военного заговора «бомб и динамита»⁴³. В послесловии к «Подпольной России» 1893 г. он пишет: «Терроризм как система отжил свой век и воскресить его невозможно»⁴⁴. В работе «Царь-чурбан, царь-цапля» в 1895 г. он говорит о том, что в настоящее время революционное движение снова накануне нового преобразования, и «трудно предугадать сделается ли оно военным, гражданским или террористическим, или объединит в себе все эти направления»⁴⁵. Таким образом, утверждение В. П. Красавина, что Кравчинский в последние годы жизни пришел к отрицанию террора как орудия политической борьбы⁴⁶, может быть принято с известными оговорками. Вернее будет предположить, что тенденция к изживанию этих взглядов в 90-е годы прослеживается довольно отчетливо.

Идейная эволюция Кравчинского в сторону положительного восприятия марксистских идей обусловила его сближе-

⁴¹ С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч., ч. VI, стр. 33.

⁴² Там же, стр. 36.

⁴³ Там же, стр. 33.

⁴⁴ С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. 1, М., 1958, стр. 549.

⁴⁵ Степняк-Кравчинский. «Царь-чурбан, царь-цапля», стр. 137.

⁴⁶ В. П. Красавин. Указ. соч., стр. 54.

ние с деятелями первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда». В свою очередь деятели группы оказали значительное влияние на Кравчинского в этом отношении.

В августе 1879 г. в Петербурге после Воронежского и Липецкого съездов состоялось организационное разделение «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел». В отличие от народovolьцев, которые выдвинули вопрос о политической борьбе и построили свою организацию строго централизованно, чернопередельцы первоначально отрицали политическую борьбу, а свою организацию построили на основах федерализма. Это трагично отразилось на ее судьбе. Вскоре она распалась на ряд кружков, а наиболее видные деятели «Черного передела», скрываясь от преследований царского правительства, в начале 1880 г. вынуждены были эмигрировать. Здесь уже в апреле 1880 г. они приходят к выводу о необходимости признания террора. А несколько позднее в 1881 г. Г. В. Плеханов писал П. Л. Лаврову о том, что «история хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был решительным противником последней»⁴⁷. Это, безусловно, сближало позиции чернопередельцев и народovolьцев и являлось базой для переговоров об объединении этих народнических организаций.

Кравчинский, находившийся в это время в эмиграции, близко сошелся с деятелями «Черного передела». Это было обусловлено сходством взглядов по целому ряду вопросов революционного движения, хотя имелись и очень существенные различия. Исходная землевольческая позиция у Кравчинского и чернопередельцев одна. В. И. Засулич писала в 1882 г., что его статья в первом номере «Земли и воли» ничем не отличается «от теории» «Черного передела»⁴⁸. Однако за 4 года (1878—1882) взгляды Кравчинского претерпели значительную эволюцию. Теперь политическую борьбу, т. е. террор, он ставит на первое место, а работу в массе народа на второе. По этому вопросу позиция Кравчинского ближе к народovolьцам, нежели к чернопередельцам. Как известно, чернопередельцы считали, что дело народного освобождения может совершиться «только путем победоносной народной революции»⁴⁹. Кравчинский и чернопередельцы придерживались одинаковых взглядов в вопросе о невозможности захвата власти в России путем заговора. По вопросу о принципах будущего государственного устройства России на осно-

⁴⁷ «Дела и дни». 1921, кн. 2, стр. 86.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 262, оп. 1, д. 50, л. 55.

⁴⁹ «Черный передел, Орган социалистов-федералистов», М.—П., 1923, стр. 283.

вах федерализма с возможно большим развитием местной автономии позиция Кравчинского опять-таки совпадала со взглядами П. Б. Аксельрода, Л. Г. Дейча, Я. В. Стефановича, и только Г. В. Плеханов и В. Н. Игнатов выступили как сторонники централизма⁵⁰. Все это явилось теоретической базой для его сближения с чернопередельцами. Именно поэтому Л. Г. Дейч 17 марта 1882 г. писал В. И. Засулич о том, что Кравчинский ближе к ним, чем член Исполнительного комитета «Народной воли» М. Н. Ошанина⁵¹.

Народovolьцы намечали П. Л. Лаврова, С. М. Кравчинского и Г. В. Плеханова в качестве редакторов предполагаемого журнала «Вестник народной воли», однако кандидатура Кравчинского была отклонена из-за его дружеских отношений с М. П. Драгомановым. После этого его отношения с народovolьцами значительно ухудшаются. Отказавшись окончательно от мысли о поездке в Россию, он все теснее сближается с деятелями «Черного передела».

Их сближение продолжало развиваться после 25 сентября 1883 г., когда чернопередельцы образовали первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». С этого времени начинается качественно новое марксистское течение в развитии русской революционной мысли. Неудивительно поэтому, что большинство народovolьцев отнеслось к этому событию неодобрительно. Идеолог народничества П. Л. Лавров оспаривал своевременность появления группы русских марксистов. По его мнению, деятельность «Освободителей труда» скажется «в далеком, да пожалуй и несколько сомнительном будущем»⁵². Другой видный теоретик народovolьчества, Л. А. Тихомиров, писал П. Л. Лаврову о полной их изоляции⁵³.

В этой обстановке поведение Кравчинского в отношении группы «Освобождение труда» представляло собой исключение среди народников. Он не только не порывает с бывшими чернопередельцами, но даже пытается помочь им. Например, он принимает участие в чтении лекций о русском революционном движении совместно с Л. Г. Дейчем и Г. В. Плехановым. Таким путем группа «Освобождение труда» рассчитывала по возможности привлечь на свою сторону учащуюся молодежь⁵⁴. Он советует В. И. Засулич на зиму 1883 г. ехать в Париж для организации там связей и знакомств, необходимых группе. Поездка, однако, сорвалась из-за отсутствия не-

⁵⁰ Группа «Освобождение труда». Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча, под ред. Л. Г. Дейча, сб. 1, М., 1924, стр. 149.

⁵¹ Архив Дома Плеханова. Инв. № 8404, АД. 1, 3, 9, л. 1.

⁵² «Вестник Народной Воли», 1884, № 2, стр. 66.

⁵³ Группа «Освобождение труда», сб. 1, стр. 250.

⁵⁴ Там же, стр. 27—28.

обходимых средств. Деятели группы решили привлечь Кравчинского в свою организацию. Однако, когда Л. Г. Дейч предложил ему вступить в группу «Освобождение труда», Кравчинский ответил отказом, продолжая оставаться единственным русским эмигрантом, который доброжелательно отнесся к задачам, поставленным группой⁵⁵. Дейч не датирует своей беседы. Однако можно предположить, что она происходила не позднее марта 1884 г., ибо в этом месяце Дейч был арестован во Фрейбурге и выдан царскому правительству. Контакты Кравчинского с деятелями группы «Освобождение труда» продолжали развиваться и после того, как он вынужден был в июле 1884 г. переехать в Англию и поселиться в Лондоне. Теперь они выражались в форме интенсивной переписки, охватывающей довольно широкий круг вопросов. Например, в письме к Засулич от сентября 1886 г. Кравчинский отмечает, что царящая в России реакция не вечна и скоро должна кончиться. «Вообще думаю,— пишет он,— что скоро опять что-нибудь начнется»⁵⁶, подразумевая новый подъем революционного движения.

В. И. Засулич делится с Кравчинским своими мыслями об измене Тихомирова и о том влиянии, которое это ренегатство может оказать на неустойчивую революционную молодежь. Причем она считает, что это значительное событие, которое вызовет целую волну измен в революционном лагере⁵⁷, Кравчинский же не видит в этом никакой опасности⁵⁸.

С наибольшей полной дружеские отношения Кравчинского к деятелям группы «Освобождение труда» и, в частности, к ее идейному руководителю Плеханову проявились во время болезни последнего. Своевременной материальной помощью Кравчинский спас его от смерти. Причем Кравчинский не имел необходимых средств и вынужден был обратиться за помощью к своему другу Эдуарду Пизу⁵⁹. После того как состояние здоровья Плеханова несколько улучшилось, Кравчинский писал Э. Пизу: «Это едва ли не лучшая новость, которую я получил за последний год»⁶⁰. Г. В. Плеханов в письме к Кравчинскому от 17 сентября 1887 г. писал: «Я был тронут до глубины души... Поверьте, что я никогда, никогда не забуду Вашей услуги»⁶¹. И в знак признательности посвятил Кравчинскому свою большую статью о Глебе Успенском.

⁵⁵ Лев Дейч. С. М. Кравчинский, Пггр., 1919, стр. 47.

⁵⁶ Архив Дома Плеханова. Инв. № 10079, АД. 5. 364. 7а, л. 3.

⁵⁷ Группа «Освобождение труда». Сб. 1, стр. 206.

⁵⁸ Архив Дома Плеханова. Инв. № 10080, АД. 5. 364. 7б, л. 1.

⁵⁹ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции, стр. 213.

⁶⁰ Там же, стр. 221.

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 2, д. 116, лл. 1—2.

Уже через несколько дней после своего приезда в Лондон в июле 1884 г. Кравчинский познакомился с Ф. Энгельсом, Элеонорой Маркс-Эвелинг и ее мужем Эдуардом Эвелингом. По свидетельству Э. Бернштейна, Россия за столом у Энгельса «долгое время была представлена революционером Сергеем Кравчинским, известным Западной Европе в качестве автора «Подпольной России» под его псевдонимом Степняка»⁶².

Через посредство Кравчинского деятели группы «Освобождение труда» вели переписку с Ф. Энгельсом, договаривались о сотрудничестве Энгельса и Элеоноры Маркс-Эвелинг в их органе «Социал-демократ».

В связи с этим Энгельс, по-видимому, считал его членом редакции «Социал-демократа»⁶³.

Заветной мечтой Плеханова была встреча с Энгельсом. Она состоялась летом 1889 г. после учредительного конгресса II Интернационала. Кравчинский рекомендовал секретарю учредительной комиссии П. Лафаргу обратиться с просьбой о представительстве России на конгрессе к группе «Освобождение труда». «Эта группа,— писал он,— единственная из мне известных, которая удовлетворяет всем требованиям»⁶⁴. Представителями от России на конгрессе были Г. В. Плеханов и П. Л. Лавров. Аксельрод поехал на конгресс в качестве гостя. По окончании конгресса Плеханов писал Кравчинскому: «Вас мне хочется видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой», указывая далее, что поездка в Лондон едва ли удастся из-за отсутствия средств⁶⁵. По-видимому, Кравчинский выслал необходимую сумму, так как Плеханов и Аксельрод приехали в Лондон. Здесь Кравчинский познакомил их с Энгельсом. Интересное описание этой встречи оставил Аксельрод. О беседах с Энгельсом Плеханов позднее писал: «Я имел удовольствие в продолжении почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоритические темы»⁶⁶.

Встречу с Энгельсом Плеханов считал одним из счастливейших моментов в своей жизни.

Встреча Кравчинского с деятелями группы «Освобождение труда», многочисленные беседы с ними оказали сильное влияние на него. Если до конгресса летом 1889 г. он признавался В. И. Засулич, что во многом «несогласен с Вашей группой»⁶⁷, то после встреч и бесед с деятелями группы П. Б. Ак-

⁶² Э. Бернштейн. В годы моего изгнания. ГИЗ Украины, 1923, стр. 137.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 281.

⁶⁴ Группа «Освобождение труда», сб. 1, стр. 235.

⁶⁵ Там же, стр. 147.

⁶⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, М.—Л., 1926, стр. 26.

⁶⁷ Группа «Освобождение труда». Сб. 1, стр. 234.

сельрод пишет ей, что Кравчинский мечтает разбогатеть и отвезти Плеханова и Засулич в Италию для лечения, где они обратят его в социал-демократа⁶⁸. Именно в таком смысле можно понять и В. И. Засулич, писавшую Кравчинскому осенью 1889 г.: «Очень я рада была прочесть в Вашем письме, что Вы «подходите к нашей идее». Уж с какого хотите конца, только подходите»⁶⁹.

С начала 90-х гг. взаимоотношения деятелей группы «Освобождение труда» и Кравчинского вступили в новую фазу. Происходит их политическое сближение. Именно поэтому Плеханов писал: «Я очень уважаю Степняка и как человека, и как политического деятеля»⁷⁰. Деятели группы предпринимают неоднократные попытки вовлечь Кравчинского в свою организацию. С этой целью они привлекают его к сотрудничеству в своих изданиях. На него прежде всего они рассчитывали во всех, правда неудачных, попытках объединения различных эмигрантских кружков в начале 90-х гг. Деятели группы способствуют более правильному пониманию Кравчинским марксистской теории, не останавливаясь для этого перед разъяснением тех или иных ее положений. С наибольшей полнотой это проявилось во время инцидента с немецким изданием «Свободной России».

В конце 1889 г. при активном участии Кравчинского было образовано английское «Общество друзей русской свободы». С июня 1890 г. начинает ежемесячно выходить орган Общества «Свободная Россия» — небольшой журнал на английском языке. По-видимому, такое же общество Кравчинский намеревался основать в Швейцарии. С этой целью в январе 1892 г. в Цюрихе начинает издаваться журнал «Свободная Россия» на немецком языке. Этот журнал первоначально был точной перепечаткой английского издания. Однако через несколько месяцев Кравчинский согласился на публикацию в немецком издании дополнительных, интересующих немцев, материалов. Воспользовавшись этим, его редактор Андерфурен поместил в сентябрьском номере свою статью «Разъяснение». Статья была полна грубых выпадов и клеветнических измышлений против членов группы «Освобождение труда». Русская социал-демократия определялась в ней как «ничтожная величина», как «воплощенная карикатура на немецкую социал-демократию»⁷¹. Статья доказывала невозможность в России социал-демократического движения до свержения абсолютизма. Переписка между Кравчинским и Засулич по поводу ликвида-

ции последствий, к которым привела эта статья, довольно интересна. Она показывает, как целеустремленно, настойчиво, последовательно деятели группы «Освобождение труда» боролись за Кравчинского, разясняя его ошибки в толковании некоторых положений марксистской теории. Она показывает, как высоко ценил он деятелей группы не только за их революционное прошлое, но и за настоящую деятельность на почве марксизма. Она показывает, наконец, и сущность расхождений во взглядах Кравчинского и русских марксистов.

Первое письмо Засулич написала, вероятно, в начале октября 1892 г., испытывая вполне понятное чувство удивления и возмущения. В ответном письме Кравчинский сообщает, что редактор немецкого издания социал-демократ, и следовательно, он полагал, что будут проводиться социал-демократические идеи. «Я этого не боюсь,— продолжает Кравчинский,— и поэтому был совершенно спокоен. Мне и не снилось, что возможно будет как раз нападение на русских социал-демократов...»⁷² Его отношение к группе «Освобождение труда» отчетливо раскрывается в следующих словах письма: «Мне едва ли нужно говорить Вам, что как политически, так и лично нет группы, хорошим отношением с которой я бы так дорожил, как с Вами»⁷³. Кравчинский написал для октябрьского номера «Свободной России» заявление от редакции по поводу статьи Андерфурена. Русский текст его он послал В. И. Засулич для ознакомления с ним членов группы «Освобождение труда». Заявление вызвало возражение с их стороны. «Сейчас получили мы корректуру Вашего заявления и очень ею огорчены», — писала В. И. Засулич. Затем она по пунктам перечислила ошибки, допущенные в заявлении. Они сводятся к тому, что, во-первых, Кравчинский сужает понятие пролетариата и распространяет его только на фабричных, рабочих; во-вторых, он считает, что группа «Освобождение труда» возлагает только на этих фабричных рабочих борьбу за политическую свободу»⁷⁴.

Это письмо послужило началом небольшой дискуссии между Кравчинским и Засулич, которая дает материал, позволяющий иметь представление о том, как он понимает программу русской социал-демократии и как деятели группы стремились воздействовать на него в этом отношении. Кравчинский не согласен с В. С. Засулич. Об этом свидетельствует его письмо от 1 ноября 1892 г. В нем он сообщает, что высылает заявление в «новую редакцию», в котором вычеркнул все, что относится к теоретической части программы группы «Ос-

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 262, оп. 1, д. 50, л. 13.

⁶⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 458, оп. 1, д. III 4739, л. 2.

⁷⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, М.—П., 1923, стр. 405.

⁷¹ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 1, М., 1925, стр. 231.

⁷² «Из архива П. Б. Аксельрода», Берлин, 1924, стр. 82.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Архив Дома Плеханова. Инв. № 9827. АД. 5. 341. 62, л. 1.

⁷⁵ «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 83.

вобождение труда». Вместе с этим он пишет: «программу Вашу суммирую верно и решительно не понимаю, что обидного в моей суммировке»⁷⁵. Сущность его расхождений сводится к следующему: «программы определяются центром работы партии «Народную волю» члены группы «Освобождение труда» называли якобинской партией, потому что в центре внимания народолюбцев стала идея подготовки заговора и захвата власти революционерами». И это, по мнению Кравчинского, было совершенно верно, несмотря на то, что в программе «Народной воли» были пункты, предусматривающие пропаганду среди рабочих, крестьян и интеллигенции. «Так и на Вашу работу я смотрю,— продолжает Кравчинский,— социал-демократия в Германии, Англии и Франции держится пролетариатом. Она привлекает в свои ряды членов других сословий, но эта случайность несколько не противоречит определению социал-демократии... как партии, опирающейся на фабричный пролетариат, стремящийся организовать пролетариат и воплотить в жизнь идею пролетариата»⁷⁶. Отсюда видно, что во-первых, Кравчинский опять-таки под пролетариатом подразумевает только фабричных рабочих, а во-вторых, осуществление в жизнь «идеи пролетариата» не понимает как борьбу за политическую свободу. Отмечая эту сторону его рассуждений, В. И. Засулич вместе с этим выразила удовлетворение переработанным текстом заявления, подчеркнув, однако, необходимость заявления со стороны группы по поводу статьи Андерфурена в «Форвертсе»⁷⁷. После этого в ноябрьском номере журнала «Свободная Россия» на немецком языке было объявлено, что временно, на 2 месяца, прекращается его издание. К этому номеру было приложено в виде особого листка заявление от редакции «Свободная Россия» под заглавием «К разъяснению господина В. А.», написанное Кравчинским. В нем давалась чрезвычайно высокая оценка деятельности группы «Освобождение труда».

«Капитализм пустил корни в России и растет день ото дня, создавая этим почву для развития социал-демократии. Мы можем лишь удивляться тому,— писал Кравчинский,— как автор немецкой статьи не заметил, что, нападая со столь непонятной и непримиримой резкостью на определенную группу, он, в действительности, нападает на всех русских социалистов. Что в частности касается до наших товарищей, объединившихся вокруг сборников «Социал-демократ», то эта группа своей неутомимой деятельностью, талантом и прежними заслугами своих членов составила бы гордость любой социалистической партии, даже в самых передовых странах Ев-

⁷⁶ Там же, стр. 84.

⁷⁷ Архив Дома Плеханова. Инв. № 9829. АД. 5. 341. 6а, л. 2 об.

ропы»⁷⁸. Однако, отдавая должное группе «Освобождение труда», более того, понимая, что будущее в революционном движении России принадлежит социал-демократии, Кравчинский все же цели группы излагает в этом заявлении «не вполне правильно»⁷⁹. Поэтому, чтобы положить конец недомолвкам и ошибочному толкованию некоторых положений марксизма, имевших место в заявлении, а также, чтобы ознакомить немецкую социал-демократию со своими взглядами, Плеханов выступает в «Форвертс» в форме «Открытого письма к Либкнехту».

Это письмо для нас прежде всего интересно как документ, который содержит критику Плехановым ошибочных взглядов Кравчинского по вопросам развития революционного движения в России.

Ошибки Кравчинского, по мнению Плеханова, коренятся в не изжитых до конца старых прудоно-бакунистских идеях, «согласно которым «социализм» противопоставляется «политике» как противоположность»⁸⁰. Именно поэтому Кравчинский, полагая, что первоочередной задачей в данный момент является борьба за политическое освобождение России, исключает из этого состава борцов социал-демократов, в действительности которых он видит залог улучшения положения русского народа. И этому он «от всей души сочувствует». По этому поводу Плеханов замечает, что «если предположить последнее», тогда возникает вопрос: возможно ли улучшение положения рабочего класса при сохранении в России царского самодержавия? А если это так, то русская социал-демократия была бы самой реакционной из всех реакционных партий, когда-либо существовавших на земле. Русские социал-демократы преисполнены решимости уничтожить царское самодержавие, и поэтому нет никакой возможности исключить их из числа борцов за политическое освобождение России.

С 11 номера немецкое издание «Свободной России» было приостановлено. Считая необходимым сменить редактора немецкого издания «Свободная Россия», Кравчинский обратился за советом к Ф. Энгельсу «в надежде найти редактора из числа германских социал-демократов с тем, чтобы, если возможно, перенести это издание в Берлин»⁸¹. В этом же письме Кравчинский просит Энгельса о встрече с ним по этому вопросу и осведомляется о времени прибытия в Лондон Либкнехта, надеясь «на его поддержку» и дружеское расположение. На следующий день, 15 ноября 1892 г., Энгельс в ответном письме пригласил Кравчинского и Волховского для переговоров об

⁷⁸ «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 84.

⁷⁹ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 1, стр. 233.

⁸⁰ Там же, стр. 234.

⁸¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия», М., 1967, стр. 633.

этом журнале. Их содержание нам неизвестно, однако немецкое издание «Свободной России» так и не было возобновлено.

В начале 90-х годов связи группы «Освобождение труда» с развивающимся рабочим движением России все еще были слабыми. Поэтому деятели группы согласились на передачу части своих изданий на комиссию Фонду Вольной русской прессы. Для того чтобы использовать пути Фонда «для проникновения своих изданий в Россию», В. И. Засулич писала заведующему складом Фонда М. В. Войничу: «Мы с удовольствием принимаем приглашение, сделанное Вами в письме к Плеханову, относительно передачи наших изданий на комиссию»⁸². Было также достигнуто соглашение об обмене изданиями. Однако сразу же возникли финансовые трудности. Дело в том, что книги Фонд сдавал своим агентам, которые нерегулярно расплачивались с ним, что в свою очередь отражалось на его финансовых операциях с группой «Освобождение труда», приводило к задержке в оплате за ее издания. В. И. Засулич в одном из писем к Кравчинскому описала финансовые затруднения в отношениях с Фондом⁸³. В другом письме, относящемся к 1893 г., В. И. Засулич пишет Кравчинскому о том, что на ней «лежит в настоящее время обязанность минимум 2 раза в неделю писать Войничу и требовать уплаты за наши книги. Не могли ли бы Вы отчасти заменить меня в этом, и при свидании напомнить ему об уплате от моего имени?» Деятели группы решили порвать с Фондом, сохраняя, однако, дружеские отношения с Кравчинским. Об этом Засулич и писала Кравчинскому: «Но ведь это не подействует на наши с Вами личные отношения. Да, не правда ли? — спрашивала она и продолжала. — Нельзя нам с Вами поспорить ни из-за каких фондов и ни из-за какой политики»⁸⁴.

В ответном письме Кравчинский, обрисовав трудное материальное положение Фонда, пишет: «Уж я беру на себя и обещаю, что первая возможная уплата будет действительно сделана Вам». Далее он сообщает, что в случае разногласий между деятелями группы «Освобождение труда» и Фондом он будет на ее стороне. «Если за дело поспорите, — пишет он. — то буду даже на вашей стороне. Но мне будет очень тяжело и больно, если вы поторопитесь зря»⁸⁵. Это пока не давало деятелям группы основания надеяться на его легкий разрыв с Фондом. Таким образом, благодаря Кравчинскому противоречия между Фондом Вольной русской прессы и группой «Освобождение труда» временно сглаживались. После его смерти наступило резкое ухудшение их отношений и полный разрыв.

⁸² Архив Дома Плеханова. Инв. № 9808, АД, 339, л. 1.

⁸³ Архив Дома Плеханова. Инв. № 9826, АД 5. 341. 6в, лл. 2—2 об.

⁸⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 262, оп. 1, д. 50, лл. 7—8.

⁸⁵ Группа «Освобождение труда». Сб. 1, стр. 239—240.

В 1891 г. в России наблюдается некоторое оживление общественного движения в связи с неурожаем и голодом в большинстве ее хлебородных губерний. В этой обстановке П. Б. Аксельрод пришел к выводу о необходимости объединения революционных сил в «Лиге борьбы с голодом». Целью ее, по мнению Аксельрода, является борьба за завоевание конституции. Лига должна была издавать свою газету «Земский собор». В Цюрихе было образовано «Общество по борьбе с голодом», объединение эмигрантских кружков которому оказалось не под силу. Его руководители решили поручить эту работу Генеральному Комитету в составе П. Л. Лаврова, Г. В. Плеханова и С. М. Кравчинского. П. Л. Лавров и С. М. Кравчинский войти в этот комитет отказались. Положительно оценив программу «Общества», Кравчинский уклонился от участия в комитете под предлогом недостатка времени. Скептически он был настроен и по отношению к составу общества. «Смешно соединять людей, о которых не имеешь ни малейшего понятия», — писал он⁸⁶. Таким образом, замысел П. Б. Аксельрода не удался. Начались переговоры о едином оппозиционном органе.

В письме к Кравчинскому, отправленном из Морнэ в Лондон, группа «Освобождение труда» конкретно поставила об этом вопрос. Отклонив предложение об участии в Объединенном комитете «Общества по борьбе с голодом», Кравчинский почти одновременно с этим, 21 марта 1892 г., пишет отдельное письмо по этому вопросу В. И. Засулич. В нем он делится с нею мыслью о необходимости издания журнала и подчеркивает, что у него нет никаких принципиальных разногласий с группой «Освобождение труда» в отношении ближайших задач политической борьбы. «Жоржева брошюра — («Всероссийское разорение». — В. С.) — цолагает конец всяким разногласиям, потому, что под ее заключительными требованиями мы все подписываемся обеими руками»⁸⁷. По его мнению, издание совместного журнала мешает только отсутствию средств. Причем он, по его мнению, должен будет издаваться в Лондоне, к этому обязывает как герценовская традиция, так и «удобство» связей с Россией. Для этой цели кто-либо из деятелей группы должен будет «перебраться» в Лондон.

В конце 1893 г. с планом создания единого органа всей русской революционной эмиграции выступил Е. Е. Лазарев, находившийся в это время в США. Сначала он изложил его в письмах в Лондон, Париж и Швейцарию, а затем, 14 марта 1894 г., выехал в Европу сам. План этот также не был осуществлен. Кравчинский отказался принять участие в сборной

⁸⁶ «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 130.

⁸⁷ Группа «Освобождение труда». Сб. 1, стр. 237.

редакции, к такому же решению в конце концов пришла и группа «Освобождение труда». Переписка В. И. Засулич с Кравчинским позволяет выяснить, что мешало изданию совместного журнала. Засулич подчеркивает, что этому препятствует не «личные отношения», как считал Е. Е. Лазарев, а различие во взглядах. «А с Вами лично,— писала она Кравчинскому,— нам, наверное, всем трем было бы во сто раз приятнее иметь дело, чем по меньшей мере с $\frac{9}{10}$ заграничных социал-демократов»⁸⁸.

Журнал, по мнению Засулич, должен разъяснять события с определенной точки зрения и «нам, конечно, кажется, что социал-демократической, так как с народнической их трактует вся легальная пресса»⁸⁹. Она подчеркивает не только личную близость Кравчинского к группе «Освобождение труда», но и политическое сближение. «Если судить по Вашим программным статьям,— писала В. И. Засулич,— в особенности по «заключению» к Подпольной России», то мы почти со всем согласны. Вы ждете конца деспотизма от открытых восстаний, причем крестьянские могут лишь расшатать, а прикончить должно городское. Мы думаем то же самое, а это главный пункт нашей программы»...⁹⁰ Далее она информирует Кравчинского о многочисленных тайных собраниях в Петербурге, на которых Михайловский и прочие «киты литературы» разбирали «наши издания» и «состязались с социал-демократами». В этих условиях, когда, наконец, сломан лед и начался настоящий разговор, печатный орган, по ее мнению, необходим, как никогда.

С августа 1894 г. по 1897 г. В. И. Засулич жила в Лондоне. Осенью 1894 г. в течение нескольких месяцев здесь жил и Г. В. Плеханов. Личные контакты способствовали их дальнейшему сближению с Кравчинским. Например, в одном из писем этого периода, к сожалению, не датированном, В. И. Засулич сообщила П. Б. Аксельроду о том, что Кравчинский намеревается «перейти к ним». «И хотя я прибавила»,— пишет она Кравчинскому,— что не уверена всерьез ли Вы это говорили или так себе, но сами видите какая из этого вышла радость. К которой... и я, и Жорж (Плеханов.— В. С.) наверное присоединимся, хотя каждый употребил бы метафору вместо первостепенной, с которой Вас сравнивает Павел... Изюм всей эмиграции большой аппетит у нас всегда был именно на Вас»⁹¹. Свой роман «Андрей Кожухов» Кравчинский намеревался печатать в Женеве в типографии группы «Освобождение

⁸⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 262, оп. 1, д. 50, л. 49 об.

⁸⁹ Там же, л. 52.

⁹⁰ Там же, л. 50.

⁹¹ Там же, лл. 60—61 об.

ние труда». Однако не имел средств для этого. Роман был напечатан после его смерти⁹².

В 1895 г. начинается третий пролетарский этап освободительного движения в России. В этом году в Петербурге под руководством В. И. Ленина был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который явился зачатком пролетарской партии в России. В. И. Ленин, создавая «Союз», намеревался прочнее связать группу «Освобождение труда» с рабочим движением России, активизировать ее издательскую деятельность. С этой целью 7 мая 1895 г. он выехал за границу. В результате его переговоров с группой «Освобождение труда» было достигнуто соглашение о выпуске в Женеве неперiodического сборника «Работник». В. И. Засулич от имени группы писала Кравчинскому: «Дорогой Сергей! У нас затевается сборник для рабочих. Печататься будет в Женеве. Меня очень просят похлопотать, чтобы Вы дали что-нибудь беллетристическое для этого сборника. Нужно что-нибудь общественное или революционное. Да уж, Вы, конечно, сами сообразите»⁹³. Ответить на это письмо Кравчинский, вероятно не успел. Первый номер «Работника» вышел весной 1896 г.

Необходимо отметить, что во взглядах деятелей группы «Освобождение труда» и ее идейного руководителя Г. В. Плеханова в 90-е годы более отчетливо, чем раньше, стали проявляться односторонность и противоречивость в оценке роли крестьянства и либеральной буржуазии в демократическом перевороте. Плеханов в ряде работ, написанных в начале 90-х гг., подчеркивает консервативность крестьянства и выражает надежду на поддержку либералами пролетариата в его борьбе за освобождение от царского самодержавия. Плеханов не одобрил выступление В. И. Ленина против Струве. Эти ошибки Плеханова были свойственны и Кравчинскому, который в начале 90-х годов пришел к выводу о том, что ни революционерам, ни либералам в одиночку царизма не опрокинуть. Кравчинский дал согласие на редактирование им единого оппозиционного органа «Земский собор», который должен был выходить в Лондоне с 1 января 1896 г.

Незадолго до смерти Кравчинский получил согласие Г. В. Плеханова на сотрудничество в этом издании⁹⁴. Для осуществления этого плана в Лондон из России выехал известный русский адвокат Л. А. Куперник. На второе совещание, которое было назначено на 23 декабря 1895 г. и на котором все вопросы, связанные с будущим изданием, подлежали окончательному обсуждению, Кравчинский не явился, а через

⁹² Группа «Освобождение труда». Сб. 5, М.—Л., 1926, стр. 152.

⁹³ Архив Дома Плеханова. Инв. № 9832, АД 5. 341. 76, лл. 1—4.

⁹⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. IV, М., 1937, стр. 306.

несколько часов члены комитета Фонда Вольной русской прессы узнали о его гибели. Задуманный журнал так и не вышел. Когда Д. В. Соскис обратился к Плеханову с просьбой ответить, примет ли он в нем участие, Плеханов ответил отказом, сославшись на свою занятость, а также на то, что редакция будущего органа составлена из людей, «с которыми ему никак нельзя писать в одном журнале», имея в виду Волховского и Тверского. «Для меня далеко не безразлично,— писал он Соскису,— стоит ли во главе данного литературного предприятия Степняк или Волховский, я решительно ничего не имею против личности почтеннейшего Феликса Вадимовича, но со взглядами его решительно ни в чем не согласен»⁹⁵. Отсюда явствует, что сотрудничество с Кравчинским в одном органе Плеханов считал возможным и даже необходимым, хотя от сотрудничества с другими народниками он отказывался. Это было обусловлено эволюцией взглядов Кравчинского в 80—90-х гг. Об этом, в частности, говорят и свидетельства других членов группы «Освобождение труда». Например, П. Б. Аксельрод 9 января 1896 г. писал Л. Г. Дейчу: «а повидимому Сергей сохранил больше симпатии к нам, чем к своим деловым коллегам»⁹⁶, подразумевая под последними деятелей Фонда Вольной русской прессы. В. И. Засулич была возмущена, когда В. П. Бурцев обвинил ее в том, что она хотела использовать имя Кравчинского «в своей социал-демократической пропаганде». Она писала Ф. М. Кравчинской: «Он был ближе к социал-демократам, чем они могли думать»⁹⁷. Причем В. И. Засулич отнюдь не идеализирует Кравчинского: «Мы, например, несмотря ни на личную любовь к Сергею, ни на его популярность,— писала она жене Кравчинского в начале 1896 г.,— не считали бы полезным утверждать, что он в своих публицистических книгах высказывал наши взгляды. Нет, мы только были убеждены, что его как умного и правдивого человека правда наших взглядов заставит разделять их и из разговоров я видела, что он к этому приближается»⁹⁸. Именно эту сторону идейной эволюции Кравчинского, вероятно, имел в виду Ф. А. Ротштейн, сообщая И. М. Майскому: «Степняк был большой человек... умный, талантливый, настоящий революционер. Он пожалуй единственный из старых народовольцев сумел развиваться в хорошего социалиста. Остальные народники по большей части превратились в простых либералов»⁹⁹.

⁹⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. IV, стр. 305.

⁹⁶ Группа «Освобождение труда». Сб. 4, стр. 268.

⁹⁷ Архив Дома Плеханова. Инв. № 9844. АД 5. 341. 17, л. 2.

⁹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 262, оп. 1, д. 49, лл. 13—13 об.

⁹⁹ И. М. Майский. Воспоминания советского посла, кн. 1, М., 1964, стр. 274.

В первой половине 90-х гг. по некоторым вопросам Кравчинский значительно приближается к марксизму и преодолевает народнические взгляды. Особенно отчетливо это прослеживается в вопросе о движущихся силах революционного движения. Он считает, что в России после реформы 1861 г. бурными темпами развивается капитализм, продуктом которого является пролетариат—основная движущая и руководящая сила революционного движения. Выразителем интересов пролетариата Кравчинский считает социал-демократию. Однако идейная эволюция Кравчинского в этом направлении не завершилась, он не дошел до марксизма. Он не понял объективного характера законов общественного развития. В его работах мы не найдем упоминаний о диктатуре пролетариата, о марксистской партии как руководящем ядре рабочего класса и т. д.

Поиски правильной революционной теории у Кравчинского были сложными, трудными и противоречивыми. Однако деятели первой русской марксистской организации группы «Освобождение труда» терпеливо, настойчиво, планомерно готовили его переход на позиции марксизма, разъясняли его ошибки в понимании этой революционной теории, критиковали, способствовали их изживанию. Это дало свои результаты. Касаясь взаимоотношений С. М. Кравчинского с деятелями группы «Освобождение труда», В. И. Засулич писала: «Все члены нашей группы были теснейшим образом связаны со Степняком узами старой дружбы и безграничного доверия, которое не могло нарушать ни время, ни то что мы действовали в разных лагерях... Наоборот, мы с полным доверием прислушивались к его всегда дружеским советам и указаниям. И несмотря на разность воззваний, мы были убеждены, что настанет день, когда мы назовем его своим. В последнее время эта уверенность была крепче, чем когда-либо, и только смерть помешала осуществиться этой надежде»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ В. И. Засулич. Статьи о русской литературе. М., 1960, стр. 287—288.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>В. А. Оборин.</i> Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XVI—XVII вв.	5
<i>С. М. Томсинский.</i> Бегство рабочих людей с заводов Урала в первые десятилетия XVIII века как форма классовой борьбы	23
<i>С. М. Томсинский.</i> Торговля и подрядничество крестьян с конторой Егосихинского завода в первые годы его существования	42
<i>А. С. Черкасова.</i> Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия	50
<i>Е. Д. Харитонова.</i> Обеспечение рабочей силой пермских соляных караванов в XVIII веке	62
<i>А. В. Шилов.</i> Из истории возникновения золотопромышленности в частных горных округах Урала	85
<i>К. С. Маханек.</i> Надельные земли в помещичьих имениях Урала в 40—50-х годах XIX века (по материалам пермского майората Строгановых)	99
<i>Р. Е. Рутман.</i> Условия труда и быта рабочих горнозаводского Урала накануне отмены крепостного права	109
<i>В. В. Мухин.</i> Из истории начального этапа проникновения иностранного капитала в горнозаводскую промышленность Урала	124
<i>Я. Б. Рабинович.</i> Волнения горнозаводских крестьян Пермской губернии в 70—80-х годах XIX века	134
<i>П. А. Огибенин.</i> К вопросу о первой постановке оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» в городе Перми (к истории возникновения Пермского государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского)	148
<i>Л. А. Трефилова.</i> Экономическое положение и борьба рабочих посессионных заводов Пермской губернии в 1861—1917 годах	160
<i>С. А. Мурдасова, Я. Б. Рабинович, М. Д. Муравский</i> и кружок «оренбуржцев»	175
<i>В. Л. Семенов, С. М. Степняк-Кравчинский</i> и группа «Освобождение труда»	200
<i>М. И. Черныш.</i> Неурожай 1890—1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (по материалам Пермской губернии)	224
<i>М. П. Ивоина.</i> Формирование центра социал-демократического движения на Среднем Урале в 90-х годах XIX века	247
<i>П. И. Хитров.</i> Рабочее движение на Урале в первую мировую империалистическую войну (июль 1914—февраль 1917 гг.)	270
<i>В. Г. Черемных.</i> Бытовые условия рабочих Урала в годы первой и второй пятилеток	284
<i>М. А. Иванова.</i> Завершение коллективизации крестьянских хозяйств на Урале (1932—1937 гг.)	299

Литературный редактор Е. Логинова
Технический редактор Э. Фролова
Корректор А. Сермягина

Сдано в набор 23/III 1970 г. Подписано в печать 6/VIII 1970 г.
ЛБ01153 Формат 60×90¹/₁₆. Объем 19³/₄ п. л. Цена 1 р. 80 к.
Заказ 3562. Тир. 600 экз.

Тип. изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.